

именно потому, что оно выговаривает только всеобщее, все же не выговариваемое – неразумно, ничтожно, а потому и не более как призрак, и попытка выговорить созерцаемый мною единичный предмет всегда будет тщетною. Например, как выговорю я дерево, стоящее *теперь* и *здесь* передо мною? Это – дуб; но кроме его, множество других деревьев носит то же самое название. *Высокий, ветвистый* и т. д.; но все эти определения суть всеобщие выражения, равно применяемые и к другим предметам. Так что чувственному созерцанию остается только одно средство – *указание* своего предмета: *этот* стол, *это* дерево. Но и это средство недостаточно для удержания предмета. То, что было *здесь*, теперь уже не *здесь*, а *там*, а наконец уже и не *там*, но совсем исчезло и заменилось другим. Мало того, одно сознающее я говорит: *здесь* дерево, и в то же самое время другое я утверждает, что *здесь* дом; и оба равно правы, потому что оба указывают, основываясь на своем непосредственном созерцании. Наконец, одно и то же я в различные моменты времени утверждает различные, друг другу противоречащие истины: *здесь* дерево, *теперь* ночь, а потом: *здесь* дом, *теперь* утро; так что одна истина отрицается и уничтожается другой и за место *мнимых* единичных предметов чувственная достоверность должна ограничиться указанием *всеобщего* *здесь*, которое один раз дом, а другой раз дерево, и *всеобщего* *теперь*, которое может быть и днем, и ночью и т. д. Но чувственной достоверности остается еще одно средство для удержания своего единичного предмета; а именно: созерцающее я, отвлекая от созерцания других и от своих собственных прошедших или будущих созерцаний, утверждает, например, что *теперь* ночь и *здесь* дом, и не хочет знать о том, что утверждают другие я, не заботится о том, что оно само говорило прежде или скажет впоследствии, и не сравнивает даже своего настоящего *теперь* с своим настоящим *здесь*. Для того чтоб удостовериться в этой истине, мы должны вступить в созерцание *этого* единичного я, ограничившегося *этим* единичным *теперь* и *этим* единичным *здесь*. Пусть оно укажет нам. Оно указывает нам единичное *теперь*; это *теперь*; но оно уже исчезло во время самого указания, и оно уже не сущее, но *прошедшее*, заменившееся другим *теперь*, которое точно так же исчезает и дает место другому. Но что прошло, того уже нет, а нам указывается сущее *теперь*, и мы возвращаемся к первому *теперь*, но уже не как к *единичному*, но как к *всеобщему*, заключающему в себе бесконечное множество единичных *теперь*. Таким образом, указание есть *диалектическая опытность* (Erfahrung) самой чувственной достоверности, узнающей в ней, что указываемое ею *теперь* не есть то *единичное* и непосредственное, которое оно *мнило* (meinte), но *всеобщее, простое, в себе рефлексированное «теперь»*, заключающее в себе множество других *теперь*, или Время вообще.

То же самое движение повторяется и в указании единичного *здесь*. Это *здесь* имеет свой верх, свой низ, свою правую и левую стороны, которые, в свою очередь, имеют свой верх, низ и т. д., так что указываемое *здесь* есть не как единичное и непосредственное, но как *пространство* вообще, как простая и *всеобщая среда*, заключающая в себе множество других *здесь*.

Мы не можем не повторить здесь слов Гегеля (Phänomenologie des Geistes, 81–64 Seite)¹, которые объясняют лучше всего результат всего нашего исследования:

«Ясно, что диалектика чувственной достоверности есть не что иное, как простая история ее движения или ее опытности, и эта сама чувственная достоверность не более как эта история. Вследствие этого обыкновенное сознание доходит также до этого результата и беспрестанно испытывает то, что в чувственной достоверности есть истинного; но потом снова позабывает его и всегда начинает движение сначала. И потому странно, что в противоположность этой опытности утверждают обыкновенно, основываясь на всеобщей опытности, как философское положение и как результат скептицизма, что реальность, или бытие, внешних предметов как *этих* имеет для сознания абсолютную истину. Такое уверение само не знает, что оно говорит, не знает, что оно выговаривает именно противоположное тому, что оно хочет сказать. Оно доказывает истину чувственного, единичного Бытия (этого), основываясь на всеобщей опытности; но всеобщая опытность доказывает скорее противное: всякое сознание самоуничтожает (hebt auf – снимает) такую истину, как *теперь* утро или *здесь* дерево, и выговаривает противное ей: *здесь* не дерево, но дом – для того, чтобы точно так же уничтожить потом в этом новом отрицающем утверждении то, что в нем есть утверждение единичного, чувственного бытия: *здесь*, дом; и чувственная достоверность беспрестанно испытывает, что мнимое, непосредственное единичное *это* – не более как *всеобщее это*, совершенно противоположное тому, что обыкновенно приписывают всеобщей опытности. При этом ссылании на всеобщую опытность да будет нам позволено обратиться к практическому миру: утверждающие истину и реальность чувственных предметов должны

¹ Бакунин цитирует по кн.: Hegel G.W. Werke. Berlin, 1832. Bd. 2. Phänomenologie des Geistes. S. 81–84 (см: Гегель. Соч. М. 1950. Т. 4. С. 57–59).